

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ „ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО” ПОНИМАНИЯ СЕМАНТИКИ АФОРИЗМА

Предметом семантического анализа афористических паремий в терминах фразеологии в подавляющем большинстве случаев являются особенности номинации действительности и/или генезиса только образного значения пословицы (целиком либо того или иного ее лексико-семантического компонента). Само же наличие в пословицах и поговорках значения обобщения действительности обычно интерпретируется в терминах грамматики¹, а не семантики.

Естественным следствием этого можно считать то, что обобщенное значение пословиц и поговорок в отличие от лексического значения обобщения до сих пор не имеет более или менее рационального (а тем более формализованного) общепринятого лингвистического толкования. Ср., например, широко известные метафорические определения Потебни², „сгущение мысли”, „замещение массы мысли” и т.п., которые до относительно недавнего времени широко цитировались, когда нужно было как-то объяснить феномен возникновения или наличия свойственной пословицам или крылатым выражениям семантики образного или даже безобразного обобщения действительности³. Такое объяснение в принципе возможно, однако только при рассмотрении афористических паремий с прямой мотивировкой общего значения, которое обычно игнорируется при семантическом анализе пословиц и поговорок.

Последнее является результатом бесспорного убеждения большинства фразеологов (и вообще лингвистов) в том, что в безобразных паремиях их обобщенный смысл тождественен прямому значению высказывания как совокупности значений входящих в него слов, и поэтому никаких дополнительных объяснений в принципе не требует. На практике это обычно проявляется в отсутствии семантизации безобразных паремий в лингвистических словарях пословиц и поговорок⁴. При этом сама попытка „дать каждой пословице или крылатому выражению семантическую ситуативную характеристику” бесперспективно оценивается как „непосильная и ненужная цель”, поскольку „многие пословицы не имеют переносного

смысла и поэтому не требуют объяснения”⁵. По мнению В.П. Жукова, „в составе выражений этого типа слова выступают в своем обычном свободном значении и не теряют предметной соотнесенности”, поэтому „соответствующие поговорки не нуждаются в толковании”⁶. Однако такого рода утверждения могут иметь смысл по отношению к пословицам и поговоркам только как к речевым произведениям (resp. наличным прецедентным текстам), но не как к языковым знакам. Последнее же понимание пословиц и поговорок (как и иных языковых афоризмов) является общепринятым в современной лингвистике. Именно поэтому все без исключения устойчивые афористические фразы могут и должны семантизироваться, как семантизируются все слова и все фразеологизмы.

В качестве наглядного примера можно привести белорусскую поговорку *Канюшына – каню сіла*, смысл которой, по убеждению противников возможности семантического описания содержания всех без исключения единиц афористического состава языка, „применим только к клеверу”. Однако, если это так, то данное выражение нельзя квалифицировать как паремию (?!). В противном же случае следует согласиться с тем, что его семантика не ограничивается только простой суммой значений лексических компонентов, а выражает некоторую общезначимую закономерность действительности, только сформулированную на примере конкретной зависимости *сілы*, т.е. работоспособности, *каня* от наличия *канюшыны* (место которой вполне мог заменить, например, тот же *овес*). Именно это, собственно, и позволило данному выражению стать паремией, поскольку, как уже говорилось, все афоризмы, прежде чем стать пословицами или поговорками, подвергаются, по меткому замечанию академика В.В. Винградова, „оценке с точки зрения семантической системы русского языка в целом. Этой оценкой и определяется их жизненная сила, их применение все к новым и новым содержаниям быта и мысли”⁸. Смысловая же сторона пословиц типа *Канюшына – каню сіла* как единиц языка vs. речи, безусловно, не совпадает с поверхностным значением фразы (resp. простой суммой значений ее лексических компонентов) и в данном случае, думается, заключается в том, что ‘каждому нужно нечто определенное для самовыражения свойственных ему качеств’⁹. Так или иначе, очень трудно отказать также и в возможности и необходимости объяснения, где, когда, в отношении к кому или чему, при каких условиях, с какой целью и т.п. обычно употребляется та или иная пословица или поговорка, т.е. в от-

сутствии в ее семантической структуре соответствующих фреймов, мета-языковая экспликация которых осуществляется с помощью так называемой „ситуативной характеристики” паремий. В рамках последней, кстати, в подавляющем большинстве случаев и находит свое отражение „поверхностное содержание” паремий (ср. применительно к выражению *Канюшына – каню сіла*, которое ‘говорится, когда речь идет о том, как следует ухаживать за конем’¹⁰).

Сугубо фразеологический подход к описанию семантики столь нефразеологических единиц, как афоризмы из числа пословиц, поговорок и крылатых выражений, безусловно, недостаточен для репрезентации всего своеобразия их плана содержания, как, впрочем, объективно недостаточно такого подхода и для адекватного осмысления структурных и функциональных свойств устойчивых афористических фраз. Особенно очевидным это становится при обосновании уровневой организации фразеологического состава языка, когда (даже безотнотительно самой правомерности такой его квалификации) обнажается все различие языковой природы афоризмов и собственно фразеологизмов (в узком смысле слова). Именно последнее, скорее всего, и послужило в свое время причиной попытки описания так называемой „афористической фразеологии” как специфического разряда фразеологических единиц, обладающего достаточными признаками самостоятельной лингвистической категории. Осмысление пословиц, поговорок и крылатых выражений как специфического типа фразеологических единиц (resp. устойчивых фраз) обычно основывается на выделении принципиальных отличий устойчивых фраз от остальных фразеологизмов, которые заключаются в том, что „...не являясь эквивалентом слова, а, будучи эквивалентом целого рассказа, описания событий, и представляя собой законченную фразу с прямым значением, пословица не может считаться фразеологизмом в том узком смысле слова”¹¹. В свою очередь, в кругу пословиц, поговорок и крылатых выражений выделяются устойчивые фразы афористической семантики, которые, как считает ряд лингвистов, представляют собой специфическое явление в корпусе фразеологических единиц языка.

Такое понимание афоризма в терминах фразеологии наиболее целостно представлено у Гаврина¹², где весьма доказательно эксплицированы содержательная сущность афоризма и основные свойства его семантики, а также сделана попытка предложить простой и действенный способ выде-

ления собственно афористического материала языка vs. речи (resp. разграничения афористических и неафористических устойчивых фраз). Афоризм определяется Гавриным как языковая форма выражения „закономерностей” действительности, исходя из того, что фразы, которые являются „обобщающими по содержанию” отличаются от фраз, которые имеют только функцию обобщения (являются „обобщающими по функции”), прежде всего „общим характером своего высказывания, они характеризуют не конкретный предмет или явление, а предмет или явление вообще, как класс, как тип, как понятие”, как бы „поднимаются от конкретного и единичного к общему, от случайного к необходимому, до уровня выражения существенной, необходимой связи [между теми или иными реалиями – Е.И.], связи постоянной и обычной”¹³.

В основу осмысления в данном случае понятия „закон” как „общей, существенной (т.е. необходимой, повторяющейся) связи между определенным родом явлениями” положены понятия „общая, или существенная, связь” (связь, которая „обнаруживается у целого класса предметов, общая всем предметам определенного рода”) и „необходимая связь” (связь, „постоянно действующая, неизменно проявляющаяся при определенных условиях”), в основе которого, в свою очередь, лежит представление о „необходимости” как философской категории, „выражающей определенный тип связи между предметами и явлениями действительности”. Однако „закономерность” противопоставляется „закону” прежде всего по „меньшей степени” своей „необходимости”, так как „закономерность допускает исключение из общего правила”, ее „мы обнаруживаем там, где обнаруживаем или всегда, или обычно повторяющуюся связь”¹⁴, хотя, как видно из дальнейших рассуждений, сами показатели проявления закономерности как факта объективной действительности – „всегда” и „обычно” – никак между собой специально не разграничиваются.

Таким образом, утверждается, что афористические фразы „формулируют какую-нибудь жизненную закономерность или правило” и от всех других (неафористических) фраз „отличаются двумя постоянными особенностями. 1) Они отражают всегда и обычно повторяющуюся связь между явлениями, то, что всегда и обычно присуще предмету. Ср.: *У сильного всегда бессильный виноват; Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет; Лицо хорошеет от счастья; Не годы старят, а печали; Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше* и т.п. 2) Они, как правило,

с точки зрения логической, выражаются в форме общего суждения, то есть такого суждения, субъект которого – понятие общее, представляющее предмет как целый класс. Ср.: *Страх рождает покорность; Красивые всегда смелы; Девичья коса – девичья краса* и т.п.”. В зависимости от этого предлагается „очень простой и практически удобный прием ограничения афоризмов”, когда „в состав подлежащего афористической фразы можно подставить без ущерба для смысла слова „любой” или „всякий”, в состав сказуемого слова „всегда” или „обычно”. Ср.: *Рыбак рыбака видит изда- лека; Любой рыбак рыбака обычно видит издалека; Пьяному море по коле- но; Пьяному всякое море обычно по колено; Лиса сытей волка будет; Любая лиса всегда сытей волка будет*. В случаях же, когда фраза по своей синтаксической структуре является односоставным предложением, „для удобства проверки” ее „следует перестроить в двусоставное без наруше- ния смысла”. Ср.: *Цыплят по осени считают; Любые люди обычно цы- плят по осени считают*. При этом отмечается, что только „одновременная подстановка слов-индикаторов в состав подлежащего и в состав сказуемо- го является надежным показателем афористического содержания фразы”¹⁵.

Такой способ (критерий) выделения в кругу устойчивых фраз изре- чений с обобщенным значением (resp. собственно афористического мате- риала языка vs. речи) получил довольно широкое признание¹⁶. Вместе с тем, несмотря на всю свою простоту, удобство и “очевидность” он имеет один весьма существенный недостаток, все же не позволяющий считать предложенный способ универсальным (т.е. репрезентативным в отноше- нии как всех устойчивых фраз, так и всех беспрецедентных высказываний).

Этот недостаток состоит в том, что сама по себе возможность подстановки лексических маркеров квантора общности (“одновременно” в отношении субъекта и предиката высказывания) в тех случаях, когда объем суждения не эксплицирован специальными словами, лишь квалифи- цирует последнее как общее, никак вместе с тем не репрезентируя объем самого обобщения, который, в свою очередь, детерминируется квантита- тивными параметрами класса обобщаемых объектов. А это, в свою очередь, означает, что формально интерполяция указанных кванторных слов возможна и в высказывание, субъектом и/или предикатом которого является класс не только с принципиально ограниченным числом предметов (ср.: *Все аспиранты профессора N обычно пропагандируют его научные взгляды; Образование любых лабиализованных гласных всегда*

происходит при округлении или вытягивании губ и т.п.), но и со строго определенным их количеством (ср.: *Все ее дети обычно готовы мне помочь; Любые металлы всегда обладают электропроводностью* и т.п.). Однако такого рода фразы не являются афористическими, поскольку обобщение в них носит не всеобщий, а лишь регистрирующий характер, т.е. относится к категории частных законов для некоторого строгого количества установленных объектов действительности, поскольку и том, и в другом случае само по себе множество непосредственных учеников кого-либо без труда осознается целиком безотносительно их возможного количества (что и обуславливает референтность таких высказываний).

Примечания:

¹ Ср., например, Г.М. Николаева: *Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии*. В: *Малые формы фольклора*. Москва 1995, с. 311–324.

² А.А. Потебня: *Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка* [(1883–1884) 1892]. В: *Теоретическая поэтика*. Москва 1990, с. 55–131.

³ Ср., например, В.В. Виноградов: *Язык и стиль басен Крылова* [1945]. В: *Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя*. Москва 1990, с. 164, мнение В.Н. Телия в *Фразеология*. В: *Общее языкознание. Внутренняя структура языка*. Москва 1972, с. 510–511 и т.д.

⁴ Ср. В.П. Жуков: *Словарь русских пословиц и поговорок* [1966], 4-е изд., испр. и доп. Москва 1991; В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров: *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь* [1980], 2-е изд., испр. и доп. Москва 1988; И.Р. Шкраба, Р.В. Шкраба: *Крылічнае слова: Беларускія прыказкі і прымаўкі*. Минск 1987; И.Я. Лепешаў, М.А. Якалшэвіч: *Слоўнік беларускіх прыказак* [1996], 2-выд., дап. Минск 2002.

⁵ Лепешаў: *Пра падачу прыказак у зборніках і слоўніках*. В: *Беларуская лінгвістыка*. Минск 2000, вып. 49, с. 77.

⁶ В.П. Жуков: *Словарь русских...*, *op. cit.*, с. 13–14.

⁷ См. Лепешаў: *Пра падачу...*, *op. cit.*, с. 77.

⁸ В.В. Виноградов: *Язык и стиль...*, *op. cit.*, с. 164.

⁹ Ср. С.Ф. Иванова, Я.Я. Иваноў: *Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: Лінгвакраіназнаўчы дапаможнік*. Минск 1997, с. 80.

¹⁰ Там же.

¹¹ В.П. Фелицына: *О пословицах и поговорках как материале для страноведческого словаря*. В: *Проблемы фразеологии*. Москва–Ленинград 1964, с. 202.

¹² С.Г. Гаврин: *Афористическая фразеология как лингвистическая категория*. В: *Ученые записки Пермского гос. пед. ин-та*. Т. 87: *Вопросы теории и методики русского языка*. Пермь 1971, с. 3–23.

¹³ Там же, с. 6.

¹⁴ Там же, с. 7.

¹⁵ Там же, с. 6–8.

¹⁶ Ср., например, Ю.И. Левин: *Провербиальное пространство*. В: *Паремнологические исследования*. Москва 1984, с. 121–122.